

Прозрение крота

Автор:

Николай Романецкий

Прозрение крота

Николай Михайлович Романецкий

«Прозрение крота» – повесть «после мировой катастрофы». Герои произведения – подростки, обитатели подземного убежища – заново открывают для себя земной мир, попутно разбираясь в причинах давней катастрофы.

Николай Романецкий

Прозрение крота

1

День позавчерашний

Ночник в камере Зрячего Мэта был тусклым, но оказалось, что света хватает за глаза. Иван вошел осторожно, стараясь ступать как можно тише, и это выглядело смешным, потому что шум вентиляции заглушал шаги напрочь. Даже присоски, когда он задраил за собой дверь, чмокнули на фоне привычного шума чуть слышно, во всяком случае, Зрячий Мэт проснуться и не подумал. Он лежал на спине, и его седая борода метелкой торчала над шерстяным одеялом. Одеяло было отличное – пушистое, усыпанное разноцветными квадратами. От одного вида его становилось уютней, словно оно подобно камину излучало тепло. Такое одеяло, если его разрезать пополам, вполне подошло бы Антошке. Ведь по

ночам в камерах становится все холоднее, как будто снаружи и не лето вовсе.

У Зрячего Мэта все было отличное, потому что он собрал в своей камере лучшие из вещей, что имел Приют. Больших трудов ему это не стоило. Попробуй не отдай вещь, на которую Мэт положил глаз. Да тебя просто выгонят наружу!.. Потому и отдавали. И не только одеяла. Говорят, когда Зрячий Мэт был помоложе, через его койку прошли все невесты Приюта, и ни один жених не рискнул воспротивиться этому. Конец праву первой ночи положил Доктор, под наблюдением которого находились все новорожденные, и который однажды объявил, что генофонд портится, и виной тому Мэт. Тем более что дети от Мэта Зрячими не рождались, а во втором поколении и вообще появились на свет несколько уродцев. Их усыпили, и Приют сказал Мэту: «Хватит!» Это был единственный случай, когда Слепые не подчинились... Впрочем, произошло это так давно, что теперь от тех времен остались лишь легенды, а сам Зрячий Мэт был настолько стар, что ему уже лет пятьдесят не нужны были ни чужие невесты, ни свои жены.

Дверь у Мэта никогда не закрывалась. Зачем?.. Разве нашлась бы в Приюте хоть одна отчаянная головушка, которая решилась бы что-нибудь у него утащить?.. Да никогда! Все равно бы поймали и выставили наружу, на смерть. Слишком уж от Мэта зависела жизнь.

Поэтому, если вдуматься, Иван, забравшись сюда, почти не рисковал. Можно, конечно, и влипнуть. Если, скажем, сейчас испортится двигатель системы вентиляции. Подобное происходило в последнее время все чаще и чаще. Наступала такая жуткая тишина, что не только спать – сидеть в одиночестве было нестерпимо. И если ремонт затягивался, да еще и наружу нельзя было выйти, некоторые не выдерживали и трогались умом. Доктору приходилось их усыплять. Конечно, таких жалели, но...

Иван осторожно двинулся по камере, стараясь не смотреть на храпящего Мэта, чтобы старик – не дай Бог! – не проснулся. Дверь в Сердце Приюта, увы, была неприкосновенна. Зато шкафы, как всегда, стояли нараспашку, и потому Иван быстро разыскал все то, зачем сюда забрался: и Ключ, и часы, и карту. Подумав немного, взял и Книгу – в таком деле все может пригодиться. Вещи лежали на своих обычных местах, откуда Мэт доставал их тогда. Иван повесил Ключ на шею, часы надел на левую руку, а все остальное аккуратно сложил в сумку, помимо своей воли прислушиваясь к храпу Мэта. Ему было немножко стыдно за то, что он сейчас делает, но ведь без всего этого наружу и нос высовывать

нечего. Иван повесил сумку на плечо и осторожно двинулся к двери. Перешагнув порог, он оглянулся. Зрячий Мэт по-прежнему храпел, не подозревая, что его обокрали.

Иван спокойно задраил дверь и двинулся домой. В коридорах царил полумрак. «Спящие» лампы разгорались медленно и неуверенно, словно сомневаясь, стоит ли вообще давать свет. Может быть, это в последний раз... И когда они все-таки разгорались, на стенах начинали мертво поблескивать давно уже неработающие приборы.

Все население Приюта, умаявшись в дневных ремонтных работах, крепко спало, только глубоко внизу, в реакторном отделении, бодрствовала аварийная бригада, да в выходном тамбуре стоял на страже дежурный. Лифт был неисправен уже целый месяц. Впрочем, если бы он и работал, создавать лишний шум все равно не стоило, и потому Иван отправился прямо на лестницу. Когда он поворачивал за угол, ему вдруг показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он оглянулся, но никого поблизости не обнаружил: видимо, это были причуды нечистой совести. В коридорах и на лестницах висели, правда, металлические трубки с черными окошками, называющиеся, как и помещения, «камерами». Когда-то с их помощью можно было вести наблюдение за коридорами из Сердца Приюта, но теперь вся эта аппаратура давно уже из экономии была выключена и благополучно растаскивалась энергетиками на запчасти и детьми на игрушки...

Дома тоже все спали. Мать с груднышом Антошкой на правой нижней койке, на левой, свернувшись калачиками, лежали сестренки. Верхние койки принадлежали Мишке и ему. Отец спал прямо на полу.

Иван осторожно обошел отца и двинулся к холодильнику, косясь в сторону матери. Отец-то не проснется. С некоторых пор для того, чтобы хоть как-то поддерживать в Приюте чистоту воздуха, отцу с товарищами приходится вкалывать по семнадцать часов в сутки. Сил у него хватает только на то, чтобы поужинать и тут же улечься спать. А дальше до самого утра из пушки не разбудишь. Младшие тоже набегались за день. Вот только бы Антошка не проснулся!.. Тогда придется выкручиваться перед матерью, лгать, что есть хочется. И вообще все может сорваться: мать так просто не проведешь...

Антошка не проснулся. Иван достал из холодильника несколько банок питательной смеси, отрезал с полкраюхи черствого хлеба (свежий будут выпекать завтра, если починят печь), взял несколько луковиц и картофеля и

сложил все это в свободное отделение сумки. Сумка получалась нелегкая. Подумав немного, Иван снял с вешалки теплую куртку и надел ее на себя, потому что снаружи ночи тоже бывают холодные. Потом в последний раз окинул взглядом родных и вышел из камеры, осторожно задрав дверь.

В коридоре по-прежнему было пусто, но у него снова появилось ощущение, что кто-то за ним наблюдает. Иван постоял на месте, озираясь по сторонам, но ничего подозрительного снова не заметил и пошел на третий этаж, к камере Доктора.

Доктора не стало два месяца назад. Он был такой же старый, как и Зрячий Мэт, и все в Приюте думали, что он тоже бессмертен. Но Доктор умер. Это был удар для Слепых. Доктор, правда, позаботился о смене. Наташка, Глэдис и Анна уже больше года были у него в помощниках, и Доктор изо всех сил торопился передать им свои знания. Он многому успел научить их, но заменить его полностью они пока еще не могли. Во всяком случае, им не удалось вылечить Длинного Макса, который три недели назад вдруг начал маяться животом и через пять дней скончался. Вопреки всем стараниям новоиспеченных врачей.

А главным, что понял Иван в день, когда умер Доктор, было то, что Зрячий Мэт действительно не бессмертен и потерять нынешнее лето просто нельзя.

2

Два месяца назад

За день до смерти Доктор позвал к себе Ивана. Когда Иван вошел в камеру, Доктор отослал своих учениц, ставших в последние дни при нем сиделками, с какими-то поручениями. Выглядел он вполне здоровым, только лихорадочно блестели умные глаза да чуть-чуть тряслась правая рука.

– Садись, – сказал он, когда девчонки удалились. – Я все-таки умираю. – Он жестом остановил Ивана, попытавшегося ему возразить.

Иван сел рядом с койкой.

– Я умираю, – повторил Доктор. – Молчи и не перебивай... Все должно идти, как было задумано... Я кое-что приготовил. Мне эти вещи, полагаю, уже не понадобятся. А тебе они пригодятся: скоро ведь и лето – сам понимаешь... Да и вообще жизнь впереди длинная... Вон там, посмотри. – Он указал трясущейся рукой на шкаф.

Иван открыл дверцу. На нижней полке лежали лайтинг и компас. Иван сразу же узнал их, потому что они выглядели точь-в-точь, как в библиотечных книжках. Он взял лайтинг в руку и уважительно погладил холодный черный ствол, примерил к плечу приклад.

– Теперь положи все на место и слушай дальше, – сказал Доктор. – Я умру не здесь. Перед смертью я закрою камеру и уйду. пространства у нас еще хватает, и я не думаю, что станут ломать двери... Во всяком случае, в первое время точно не будут. Когда тебе потребуется, придешь и возьмешь все необходимое. Но не раньше! – Он погрозил пальцем. – Однако и тянуть не стоит... Вот здесь, – он протянул Ивану клочок бумаги, – шифр от замка, запомни его... А теперь прощай! И иди!

Иван вытер тыльной стороной ладони непрошеную слезу и направился к двери. Хриплый голос догнал его:

– Запомни, Иван... Плохо, когда человек слеп и не может видеть, но тут его вины нет. А вот когда человек видеть ничего не хочет... Я это, увы, понял слишком поздно!

– Прощайте, мистер Дайер, – произнес Иван, но Доктор ничего больше не сказал. Он повернулся к двери спиной. Иван так и не понял, что он имел в виду, произнес последние слова.

Через день, утром, тело Доктора нашли в коридоре первого этажа. Как будто он перед смертью стремился наружу, на чистый воздух.

Иван набрал шифр на замке, и дверь тут же легко отдраилась. В камере Доктора царил полнейший порядок. Койка была заправлена, стулья стояли вокруг стола, все вещи были разложены по своим привычным местам. Лайтинг и компас лежали там же, в шкафу на нижней полке. Под компасом Иван нашел записку.

«Я рад, Иван», писал Доктор, «что ты все-таки решился. Жаль, я так и не смог составить тебе компанию. Хотя чего жалеть: может быть, это и к лучшему. Ведь тебе пора становиться взрослым, а для этого надо уметь самому принимать решения. И запомни: если человек делает хорошее дело, у него всегда найдутся помощники...»

Нет уж, спасибо, подумал Иван. Теперь в этом деле лучше вообще без помощников. А то дальше выходного тамбура не уйдешь... Да и кто может мне помочь? И чем?

Он вернулся к записке.

«Желаю тебе удачи, мой мальчик! Не жалею меня: я свое дело хоть и поздно, но сделал. Остальное за вами. Прощай! P.S. Шифра в замке не меняй».

Интересная просьба, подумал Иван. Выходит, сюда еще кто-то наведывается... Любопытно – кто? Надо будет разобраться после возвращения.

Он повесил лайтинг на шею и нацепил компас на правую руку. Потом сунул записку в карман и, покинув камеру Доктора, снова закрыл дверь на замок.

На выходе из Приюта дежурил Толстяк Жерар. Он преспокойно спал, зажав автомат между колен. Дежурство здесь было не более чем фикцией. Наружу без Зрячего Мэта решился бы выйти только сумасшедший, а хищные звери за всю историю ни разу не появлялись вблизи ворот. Говорили, что они тоже боятся Зрячего Мэта... Но как бы там ни было, а дежурство в выходном тамбуре было заведено еще в самом начале Эры Одиночества, когда возникали из морозной ночи чудом уцелевшие беженцы, и хотя беженцев уже лет сто десять никто не видел, отменять порядки, установленные предками, не стали.

Толстяк даже не пошевелился, когда Иван перешагнул через его вытянутые ноги и вышел на площадку. Сзади явно ощущался поток теплого воздуха: ворота летом никогда не закрывались.

Вокруг царил мрак. Луны на небе не было, и над головой висели огромные яркие звезды. Иван пожалел, что предкам не удалось сберечь ни одного ночного бинокля. Насколько бы ему было проще, будь у него такой прибор. Увы, последний ночной бинокль перестал работать еще до рождения деда.

Иван пристально вглядывался во тьму, но ни черта вокруг не было видно. Он вздохнул. Смотри-не смотри, а надо идти. В любой момент может проснуться Толстяк, да и вообще до рассвета нужно убраться отсюда как можно дальше. Тогда не решатся снарядить погоню.

Он покрепче затянул поясной ремень, чтобы сумка не ерзала по спине, и, держась рукой за ограду, поднялся на холм. Ограда была изготовлена специально для того, чтобы Зрячему Мэту было легче нести вверх свое дряхлое тело. На холме Иван еще раз оглядел небо. Кроме звезд на нем ничего не было. И тогда Иван на ощупь стал спускаться вниз. Он был доволен. Черный Крест отсутствовал, и он принял это как добрый знак.

4

Тринадцать лет назад

Иван очень хорошо помнил день, когда он познакомился с Черным Крестом.

– Вот и кончилась зима, – сказала мама. – Идем на улицу.

На улице ярко светило солнце. Вокруг все зеленело. Дети радовались непривычному теплу. Вместе с ними теплу радовались и мамы. Они собрались в кружок и беседовали о чем-то своем, взрослом. Дети носились вокруг. На холме сидел седой бородатый старик и смотрел по сторонам. Иван еще хотел сбегать к нему и спросить, чего это он там высматривает, но мама его не пустила, и он стал играть в пятнашки. Всем было весело и хорошо.

Вдруг кто-то громко и страшно закричал. Иван посмотрел на холм и увидел, что старик бежит оттуда вниз, размахивая руками и хрипло крича:

– Черный Крест!.. В Приют!.. Все в Приют!.. Крест!!!

Поднялась кутерьма. Мама бросились собирать детей. Многие, испугавшись, заплакали. Наконец, детей загнали в ворота.

– Скорее! – кричал старик опаздывающим.

И тут выяснилось, что куда-то пропала Миленка – дочка тети Баси, живущей в соседней камере. Тетя Бася с плачем бегала по лугу и звала:

– Миленка! Вернись!.. Где ты? Миленка!

Тетю Басю утащили с улицы силой. Она вырывалась. В воротах все остановились. В этот момент из кустов выбралась Миленка. Наверное, она играла в прятки.

– Назад! – закричал седой старик. – Вернись в кусты! Назад!

Но испуганная Миленка не понимала, чего от не хотят.

– Доченька! – кричала тетя Бася. – Вернись!

Все произошло очень быстро. С неба упала молния, и там, где только что бежала Миленка, вспыхнуло, как будто зажгли костер. Все вокруг как-то громко вздохнули, а тетя Бася страшно закричала и, вырвавшись из рук людей, державших ее, бросилась наружу.

– Ы-ы-ы! – выла она.

И опять сверху упала молния, и на месте тети Баси тоже загорелся большой костер. Иван подумал, что это такая игра, и тоже хотел выбежать на луг. Его не пустили.

Детей тут же увели внутрь, но Иван умудрился в суматохе удрать, вернулся к воротам и спрятался в угол. Вокруг теперь стояли взрослые дяди и молча смотрели туда, наружу. Что там происходило, Ивану видно не было. Дяди стояли и молчали, а потом дядя Эрвин, отец Миленки, вдруг выругался и сказал: «Будь мы все прокляты, кроты в норе!» А потом старик произнес: «Можно!», и все вышли на улицу, и мимо затаившегося Ивана пронесли носилки, на которых лежало что-то черное и непонятное, и от этого черного невкусно пахло.

И тогда Иван тоже вышел наружу. Ни тети Баси, ни Миленки там не было. На лугу появились два круглых пятна, в которых не стало травы. Иван долго сидел и смотрел на эти круги, пока кто-то не подошел и не сказал:

– Видишь, что делает Черный Крест?.. Сразу двух женщин потеряли.

Иван поднял голову. Рядом с ним стоял тот самый старик, который сидел на холме.

– А зачем их потеряли? – спросил Иван.

Старик грустно улыбнулся.

А потом на луг прибежала мама и поколотила Ивана. Он потому и запомнил тот день, что ни до него, ни после мать никогда не дралась. А потом они вместе сидели в своей камере и вместе плакали – Иван от боли и обиды, а мать – неизвестно от чего.

Через некоторое время черные круги на лугу снова заросли травой, только она была покороче, чем та, что вокруг. В эти круги дети начали ставить тех, кто водит.

А Миленку и тетю Басю Иван больше никогда не видел. Мама сказала, что их убил Черный Крест.

День позавчерашний

Крест не появился и тогда, когда совсем рассвело. Иван шел вдоль реки, все время придерживаясь кромки прибрежных кустов, чтобы в случае, если появится Крест, быстро скрыться в их густых зарослях. Он, правда, не очень-то верил в надежность этого укрытия, но, поскольку ничего лучшего в округе все равно не было, оставалось надеяться, что пронесет. Да и надоело бояться...

Карта вела Ивана на юго-запад, и это было прекрасно. По крайней мере, не нужно постоянно оглядываться назад, потому что точка, в которой обычно появляется Черный Крест, все время была перед глазами. Солнце светило Ивану в спину, и тень убегала из-под ног, поминутно отвлекая, мешая, притягивая к себе взгляд. Пока еще было не жарко, и Иван шел быстро, почти бежал. Вокруг во множестве красовались цветы. Росли они странным порядком: одинаковые тяготели другу к другу, и луг совсем не напоминал пестрый ковер, как луга вблизи Приюта. Скорее он был похож на одеяло Зрячего Мэта – такие же четко отделенные друг от друга разноцветные пятна, только живые и бесформенные. Можно подумать, что кто-то неведомый специально высеивал цветы именно таким образом, выстраивая только ему понятную мозаику. Впрочем, это было еще не самое страшное; гораздо более страшным было то, что за столько лет лес не сделал никаких попыток завоевать эти обширные свободные пространства. Нигде не росло ничего похожего хотя бы на маленькое корявое деревце, только трава, цветы да кусты вдоль берега. И это была еще одна причина, почему Иван так торопился покинуть эти открытые места. От предков с их всесильной наукой и идиотским отношением к окружающему миру можно было ожидать чего угодно. Где гарантия, что, пройдя по этим лугам, не перестанешь расти сам?..

Поэтому Иван подгонял себя изо всех сил. Высокая трава путами цеплялась за ноги, нещадно колотил по груди лайтинг, со лба тек соленый пот... Впрочем, лайтинг еще можно было укротить, для этого достаточно положить на него обе руки. А вот что делать с сумкой? Она становилась все тяжелей и тяжелей, словно кто-то невидимый время от времени подкладывал в нее увесистые булыжники. Иван остановился, снял с себя куртку, привязал ее к сумке и снова взвалил ношу на плечи. Идти стало легче, но ненадолго.

И тогда он пожалел, что пустился в дорогу один. Насколько проще идти вдвоем! Можно нести груз по очереди, можно разговаривать, можно просто петь. Хором.

На два голоса. А главное, было бы не так страшно и одиноко.

А это мысль, сказал себе Иван и запел. Целиком он знал всего одну песню. Это была любимая мамина песня, которую она пела довольно часто. Маршируя и высоко поднимая ноги, Иван прокричал про окрасившийся багрянцем месяц, про красотку, которую зовут кататься по морю, и ему показалось, что груз несколько облегчился. Воодушевленный этим открытием, он заорал во все горло и когда дошел до того места, где красотка доверилась коварному изменщику, что-то вдруг пискнуло, и знакомый голос произнес:

– Айвэн! Ты меня слышишь?

От неожиданности Иван прикусил язык. Голос принадлежал Зрячему Мэту, но откуда он доносился, Иван понять не мог.

– Ты слышишь меня, Айвэн?.. Ты узнаешь меня?

Иван перестал шипеть от боли. Он понял, откуда доносится голос старика. Голос шел из часов. Мэт продолжал говорить, визгливо, злобно:

– Я знаю, что ты меня слышишь, подлец! Отвечай!

Иван вздохнул.

– Я слышу вас, мистер Коллинз, – сказал он.

– А-а-а! – торжествующе завопил старик. – Слышишь?.. Ну так слушай!.. Я найду тебя, где бы ты не спрятался... Приют велик, но не бесконечен. Я всех Слепых на ноги подниму, ты понял?.. Мы обыщем каждый этаж, каждую камеру... И мы тебя найдем! И выгоним! Понял?.. В Приюте еще не было воров! Ты первый!

Второй, хотел сказать Иван, первый вы, мистер Зрячий Мэт. Хотел, но сдержался.

– Не надо меня искать, – устало сказал он. – И гнать не надо... Я с рассвета на улице. Наверное, уже миль пять прошел.

Он услышал, как поперхнулся старик. Наступила тишина, только пели птицы над головой, да прогудел рядом большой жук. Кажется, шмель. Наконец, Мэт с трудом проговорил:

– Айвэн! Зачем ты это сделал?.. Мне будет больно, если ты погибнешь! Ведь ты мог стать моим учеником.

Тон старика был совсем другим, в нем появились необычные лебезящие нотки. Как будто Зрячий Мэт в чем-то провинился и собирается просить прощения у него, Ивана.

– Я хочу посмотреть, чем можно разжиться, – сказал Иван. – Сами же знаете, что мы на грани голода... И не надо меня пугать! В погоню за мной вы все равно не броситесь, а от Черного Креста я прячусь в кусты.

– Ну ладно, ладно, – примирительно сказал старик. – Ты смелый мальчик!.. Я думал, ты для баловства... Только Айвэн! – Старик кашлянул, словно находясь в нерешительности. – Ты утащил у меня одну нужную вещь.

Я утащил у тебя много нужных вещей, подумал Иван.

– В Книге лежит папка, такая прозрачная, толстенькая, – сказал Мэт. – Посмотри.

Иван снял с плеч сумку и, взглянув на юго-запад, достал из нее Книгу.

Какая она все-таки толстая, думал Иван. Тяжеленная, как... И неизвестно еще, пригодится ли...

Он развязал тесемки. Прозрачная папка лежала в самом низу.

– Нашел, – сказал он.

– Ай молодец! – прошелестел старик. – Открой на семьсот восемьдесят третьей странице и продиктуй мне, что там написано.

Иван начал просматривать листы.

– Здесь одни цифры.

– Я знаю! – нетерпеливо сказал старик. – Ищи, ищи... там пронумеровано по порядку.

Иван открыл последний лист. На нем стоял номер 440.

– Номера страниц заканчиваются на пятой сотне, – сказал Иван. – Семьсот восемьдесят третьей здесь нет.

– Как? – взвизгнул Мэт. И снова зашелестел: – Подожди, подожди, ты ничего не путаешь?

Он замолк. Было слышно только тяжелое хриплое дыхание и непонятные звуки, словно Мэт что-то рвал. Когда он снова заговорил, голос его звучал гораздо уверенней: видимо, он нашел то, что искал.

– Ну что ж, Айвэн... Я тебя прощаю! Пусть Господь ниспошлет тебе удачу, в чем я, правда, весьма неуверен... Во всяком случае, ни днем, ни ночью не появляйся на равнине и не поднимайся на холмы. Старайся быть все время в кустах.

– Я понял, мистер Коллинз, – сказал Иван.

– Как бы то ни было, Айвэн, а ты первый Слепой, который решил покинуть Приют. За всю Эру Одиночества первый. Пока тебе везет... Если доберешься до цели, свяжись со мной. Для этого нужно нажать на часах кнопку, которая слева... Видишь?

– Вижу.

– Будь здоров, – сказал старик. – Не один мечтатель уже сгорел в геенне огненной.

В часах снова пискнуло, и Иван понял, что Зрячий Мэт отключился.

Год назад

Когда Иван с позором вернулся от Мэта, отец встретил его неласково.

– Ну что, лоботряс? – сказал он. – Была возможность стать человеком, и той не использовал... За что же это он тебя выставил?

– Не знаю, – промямлил Иван.

– «Не знаю!» – передразнил отец. – Что ты вообще знаешь?! До шестнадцати лет дожил, а одни только сказки на уме... Сказку-то послушав, жрать захочешь!

Иван сидел, втянув голову в плечи. Отец расходился все больше и больше, давно Иван не видел его таким раздраженным.

Конечно, думал он. Батя рассчитывал попасть на старости лет к Мэту в приближенные. Рассчитывал в своей постели умереть, а не как другие старики. Надеялся на меня, а тут такой подарок...

Мишка показал ему язык. Сестры чинно сидели на койке, делая вид, что все это их совершенно не касается. А отец продолжал бушевать. Наконец, матери это надоело.

– Успокойся, Петр! – сказала она, сложив руки на круглом животе. – Можно подумать, что Мэту так просто угодить... Он придирками кого угодно из себя выведет... Ты бы лучше взял да сходил к нему.

– Это еще зачем? – спросил отец грозно, но было видно, что он быстро успокаивается.

– Как это зачем? – сказала мать. – Узнаешь из первых рук, чем сын перед ним провинился.

Отец почесал в затылке и ушел. Вернулся он очень скоро.

– Ну что? – спросила мать.

Отец махнул рукой.

– Не стал он со мной разговаривать. Сказал, что плохого парня воспитал. Приказал пристроить его к делу, так что надеяться не на что...

– Почему же он все-таки его выгнал?

– Он сказал: «За непослушание!».

Мать посмотрела на Ивана. Иван лег на койку и отвернулся к стене.

– Что ж, – сказала мать. – Может, оно и к лучшему... Что ни говори, а от Зрячего Мэта лучше всего держаться подальше.

Отец подошел к койке и потрепал Ивана по затылку.

– Ладно, хватит дуться, – миролюбиво сказал он. – Будешь работать с дядей Мартином. Я договорился!

Вечером, когда уже собирались ложиться спать, он спросил Ивана:

– Чему хоть Мэт тебя научил-то?

– Не знаю, – сказал Иван. – Не помню.

7

Десять месяцев назад

С утра Иван помогал бригаде водопроводчиков. Чистили входные фильтры насосной станции. Работать приходилось, стоя по пояс в воде.

Было теплое августовское утро. Солнышко жарило вовсю, и потому вынужденное купание пришлось как нельзя кстати. Работа Ивана, в основном, сводилась к тому, чтобы подавать и принимать от взрослых слесарей инструмент. Иван разместился прямо на трубе, здесь же лежал и контейнер с ключами и молотками. Труба была теплая и гладкая. На середине реки время от времени сильно била хвостом какая-то крупная рыбина. Над головой с криками носились птицы. Им было хорошо: их Черный Крест не трогал.

Зрячий Мэт по обыкновению сидел на вершине холма и, время от времени поглядывая на часы, озира́л небо. Водопроводчики торопились закончить работу как можно скорее, и на Мэта никто не обращал внимания – знали, что он на страже, и, стало быть, беда не грозит.

Река текла на юго-запад, большая, широкая и спокойная. И если прикрыть лицо с боков ладошками и смотреть только туда, куда она несет свои воды, можно было подумать, что находишься на мостике огромного корабля, плывущего в открытом море. И может быть, вскоре увидишь, как из-за горизонта появится неизвестная земля, на которую до сих пор не ступала еще нога человека.

Земля не появилась. Вместо нее выплыло из-за горизонта нечто доселе невиданное, непонятное, черное как ночь, зловещее. Оно оторвалось от воды и стало быстро подниматься вверх, выше и выше, к зениту, а Иван все смотрел и смотрел, не понимая, что перед ним такое.

– Ты чего глаза вылупил? – сказал дядя Мартин. – Девку, что ли, увидел?.. Дай-ка лучше ключ на двадцать семь.

Иван не слышал. Он смотрел на странное небо, ставшее вдруг из синего серым, и видел, как по этому серому фону плывут две черные полосы, соединенные друг с другом.

И словно взрыв в мозгу. Как озарение, как откровение, как истина... Черный Крест!.. Не может этого быть, но это он! Только почему?.. Ведь я не могу его видеть, НЕ МОГУ! Я же Слепой, слепой, как все остальные. Кроме Мэта. Только он может видеть, а я не могу... Но и я вижу. Вижу!.. ВИЖУ!!!

И еще одна мысль. Она рождается где-то там, глубоко внутри, в мгновение ока разрастается и захватывает целиком: спокойно, милый... Видишь – и ладно! Совсем не обязательно, чтобы об этом знал весь Приют!..

Иван посмотрел на вершину холма и увидел, что Зрячий Мэт дрыхнет, разморенный на летнем солнышке. Спит сном праведника. Или ребенка. Иван не заорал, не засвистел и не запрыгал, тыча пальцем в небо. Он очень натурально поскользнулся и, выронив из рук большой разводной ключ, плюхнулся в воду, подняв уйму брызг. Ключ упал на трубу, и по всей округе пошел такой гул, словно неподалеку ударили в колокол.

– Растяпа! – обругал Ивана дядя Мартин. – Теперь придется нырять.

Но в этот раз нырять за ключом никому не пришлось. Проснувшийся Мэт сразу же заорал что есть мочи:

– Черный Крест! Черный Крест!!! Все в Приют!

Всех как ветром сдуло. В жизни никто так не бегал. А в выходном тамбуре, отдышавшись и разобравшись, что к чему, дядя Мартин сказал:

– Да-а, Иван! Если бы ты так вовремя не хлопнулся, гореть бы нам всем. Вместе с этим старым чертом... Воистину, счастлива наша судьба!.. А к Мэту надо кого-то приставлять. Чтобы толкали в бок...

А дядя Томас, горестно вздохнув, произнес:

– Й-эх!.. Хоть бы родился кто-нибудь Зрячий! Ей-богу, я бы свою бороду съел!

Кушайте на здоровье, чуть было не ляпнул ошалевший от восторга Иван. Но сдержался.

Зрячий Мэт был очень сконфужен и, кажется, даже перепуган. Во всяком случае, он без обиняков согласился на то, чтобы теперь рядом с ним на холме всегда находился дежурный.

Иван молчал весь день, а вечером пошел к Доктору и признался, что видел Черный Крест. Кажется, видел, сказал он. И самым удивительным было то, что Доктор сразу ему поверил. Сразу и без излишних эмоций. Как будто так и должно было быть. Как будто так было кем-то запланировано. Как будто так уже происходило не раз. Он только посоветовал Ивану все как следует проверить.

– А вдруг это какое-то единичное озарение? – сказал он.

И Иван стал проверять. На это ушло три месяца. Он проверял днем, проверял ночью, проверял в дождь, ведро и в первый снег. Осторожно, с оглядкой, не раскрываясь, под трубные сигналы Зрячего Мэта. Как древний разведчик в стане врага... И убедился, что действительно стал Зрячим. Правда, это было необычное зрение... Небо сразу становилось уныло-пасмурным. И днем, и ночью. Ни звезд, ни солнца, ни луны – просто серый фон, и на этом сером неумолимо ползет черное... Хотя солнце все равно давало себя знать, потому что, когда Крест подходил к дневному светилу, Иван переставал ВИДЕТЬ.

Доктор так и не дал воли эмоциям.

– Все правильно! – сказал он. – Матушка-природа просто так, по собственной глупости, вымереть человечеству не позволит. Не для того она столько времени его пестовала... Теперь надо подумать, как твое Зрение можно использовать.

– Помогать Зрячему Мэту, – сказал Иван.

– Нет, – сказал Доктор. – Не нуждается он в твоей помощи... Знаешь, что здесь самое главное?

– Что? – спросил Иван.

– А то, что, пока жив Мэт, ты спокойно можешь покидать пределы Приюта. И на какой угодно срок...

– Пока жив Мэт? – сказал Иван. – Почему?

– Потому что, если он умрет, ты будешь привязан к Приюту. Ведь ни одного дня не проходит, чтобы ремонтникам не приходилось выбираться наружу, а значит,

твое место будет на холме... Сейчас же ты свободен как птица. Надо только научиться прятаться от Креста.

И только тут до Ивана дошла вся исключительность его нового состояния.

8

День позавчерашний

Идти стало легче. Наверное, организм постепенно втягивался в ходьбу. Во всяком случае, Иван мог теперь думать не только о дороге.

Что было нужно от меня Мэту, спрашивал он себя. Чего старик хотел? Все эти цифры, страницы, по-моему, для отвода глаз... Что-то ему было надо другое. Или отвлекал меня?.. Может быть и так, но от чего?..

Ничего умного в голову не приходило. Тогда Иван поднял левую руку и внимательно осмотрел часы. Нажал кнопку, о которой сказал старик. Цифры на часах стали из черных красными. Тогда он снова нажал кнопку. Цифры опять почернели. – Слушаю, Айвэн, – отозвался Мэт. – Что случилось?

– Ничего, – сказал Иван. – Проверка связи.

– Не волнуйся. Аппарат надежный. С ним делались когда-то многие великие дела.

– Я знаю, – соврал Иван.

Он прервал связь и пронаблюдал, как цифры медленно краснеют. словно кровью наливаются.

Что же это получается, сказал он себе. Получается, что они все время были включены на передачу. И старик, по крайней мере, мог слышать, что тут у меня происходит... Ну, тогда я вообще ничего не понимаю! Зачем же он раскрылся?.. С

папочкой этой? Или она действительно ему нужна?.. Ничего не понимаю!

Ему вдруг стало не по себе, и он несколько раз оглянулся вокруг, словно опасался, что Зрячий Мэт выйдет сейчас из-за ближайшего куста, хитро подмигнет, погрозит пальцем и, хрипло откашлявшись, скажет: «Ага, голубчик! Вот я тебя и поймал!»

Ощущение было настолько сильным, что Иван перевесил лайтинг на правое плечо и, засунув приклад под мышку, судорожно сжал рукоятку. И двинулся дальше, время от времени озираясь по сторонам. Минут через двадцать, весь в поту, он поднялся на вершину большого холма и замер. Впереди, на горизонте темнела полоска леса. Как край земли... Слева за кустами ослепительно сверкало в реке солнце, а справа Иван увидел вьющуюся, как змея, по равнине и уходящую к лесу коричневую ленту шоссе.

И тут он во все горло расхохотался.

Хорошо же я выгляжу, думал он, вытирая слезы. С лайтингом в руках среди этой тишины и идиллии. Как старый корявый пенёк на цветочной клумбе...

Он перевесил лайтинг на грудь и, не снимая сумки, уселся на траву. С трудом вытянул ноги.

Надо немного отдохнуть, думал он. Это только с виду лес так близко, а до него еще топать и топать. А потом в лесу еще топать и топать. А потом обратно еще топать и топать...

Ему вдруг показалось, что вот сейчас, через мгновение выскочит из-за холмов и со свистом пронесется по шоссе огромная серебристая машина, какую он видел в книжке, а за ней другая, третья, четвертая... И надо будет просто встать, не спеша спуститься с холма, спокойно выйти на обочину и с достоинством поднять руку. Кажется, это называлось «проголосовать»... И один из серебристых гигантов остановится, кто-то благожелательный приглашающе откроет дверцу, и можно будет подняться в прохладную кабину и сесть в мягкое кресло, удобное, как мамыны колени, и поговорить о погоде и жизни, просто так, не думая о проклятой сумке, забыв о Приюте и ничего не боясь... А дорога будет стремительно нестись навстречу, и через две минуты вокруг уже будет лес, а еще через минуту его довезут до цели, и можно будет просто сказать:

«Спасибо!» и, попрощавшись за руку, выйти...

Иван счастливо улыбнулся и открыл глаза. Серебристой машиной, разумеется, и не пахло, и шоссе осталось пустой, неудобной и никчемной лентой среди зеленого буйства. И жара не сменилась кондиционированной нежной прохладой. Вот только небо стало тоскливо-серым, и увидел Иван, как быстро и грозно поднимается над темной полоской леса Черный Крест. Зловещий, неотвратимый, беспощадный. Как рука судьбы.

* * *

До края леса Иван добрался только к вечеру, когда солнце, собираясь вскоре нырнуть вниз, уже зависло над верхушками деревьев. Иван страшно устал и брел, едва передвигая ноги. Отсиживаясь в кустах во время первого появления Черного Креста, он пообедал хлебом и питательной смесью, а потом вся дорога слилась в непрерывную цепочку однообразных событий: высокая трава, надоедливо цепляющаяся за штаны... серое зловещее небо... колючие кусты, осатанело царапающие руки... короткий отдых, пока Крест хищно проходит над головой... И снова – трава, небо, колючки, отдых... Трава... колючки... Казалось, это никогда не кончится. Да и можно ли назвать отдых отдыхом, если все время приходится следить за собой, чтобы не заснуть от усталости. И постоянное ощущение, что кто-то присутствует совсем рядом и наблюдает за каждым твоим шагом, за каждым твоим взглядом, за каждым твоим вздохом... Ужас кошмарный, а не дорога! Кроты не привыкли бегать далеко и долго...

Но все, в конце концов, приходит к завершению. С каждым нырком в кусты лес становился ближе и ближе, и вот уже остался один хороший бросок, и Иван рванулся сразу, как только Крест исчез за горизонтом. Сердце, выпрыгивающее из груди... в виски монотонно колотят чем-то тупым и тяжелым... во рту царапается огромный шершавый язык... И все чужое: руки, ноги, голова; и нет сил, чтобы сделать последний шаг, ибо за ним еще один, и еще, и еще, и так до самого конца, до самой смерти – шаги, шаги, шаги; и уже нечем дышать – ведь вокруг красный полумрак, сквозь который падают на тебя массивные тяжелые деревья. А перед лицом вдруг оказывается ласковая, мягкая как пух земля...

Сколько продолжался обморок, Иван не знал, но, по-видимому, недолго, потому что, когда он пришел в себя и с трудом поднялся на ноги, солнце еще пробивалось сквозь плотные кроны и всюду был рассыпан причудливый узор

света и теней. Иван огляделся. Вокруг, взметнув в небо серые и коричневые стволы, стояли незнакомые гиганты. В основном, лес был хвойный, только кое-где взгляд натыкался на лиственные деревья. Под ними лежали ковры прошлогодней листвы. Над головой всюду распевали невидимые и неведомые птицы.

Вот так-то, сказал себе Иван. Все-таки я до него добрался! Пусть меня цепляли за штаны, пусть меня сгибали в три погибели страхом, пусть временами мне не давали носа высунуть из колючек! Все-таки я дошел!.. Жаль только, что не так быстро, как мечталось...

Он удовлетворенно крякнул и, не удержавшись, хлопнул в ладоши. В ответ ударило многоголосое эхо, как будто за каждым деревом спряталось еще по одному Ивану. Птицы с криками прошелестели в листве и исчезли.

Иван достал из сумки карту и разложил ее на траве. Где же это я нахожусь, подумал он. Совсем потерял ориентировку... Вот граница леса, вот река, вот шоссе... Скорее всего, я нахожусь вот здесь, между рекой и дорогой, потому что за рекой я оказаться не мог никак, а через шоссе, кажется, тоже не перебирался. Кажется... Впрочем, ничего страшного не произошло: если отправиться на юг, то рано или поздно доберешься или до реки или до дороги, а там уж мимо цели не пройти. Только все это я буду делать завтра. А сейчас завалюсь спать под ближайшей елью. Потому что ходить ночью по лесу могут только идиоты или самоубийцы... А если честно, то я просто устал, устал так, что даже есть не хочется... Но надо!

Он снял сумку, отвязал и расстелил на земле куртку. Сунул руку в отделение, где лежали продукты, пошарил там. Съесть, что ли, луковицу с хлебом?.. Глаза бы не глядели на питательную смесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/romaneckiy_nikolay/prozrenie-krota

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)